

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «РУНЫ ЛЮБВИ»

Наталья Косухина
«Синий, хвостатый, влюбленный»
«Пятьдесят оттенков синего»
«Корпорация Лемнискату. И начнется отсчет»

Ксения Баштовая
«Проклятые огнем»

Ольга Громыко, Андрей Уланов
«Плюс на минус»

Мария Боталова, Екатерина Флат
«Академия попаданцев»

Варя Медная
«Паук приглашает на танец»

Мария Сакрытина
«Я клянусь тебе в вечной верности»

Ольга Пашнина
«Осторожно, ведьма!»

Терри Лу
«Под крылом дракона»

Екатерина Флат
«Его Тьма»

Галина Манукян
«Ученица чародея»

Елена Литвиненко
«Кукла советника»

ЕЛЕНА
ИТВИНЕНКО

КУКЛА
СОВЕТНИКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Андрей Липаев*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литвиненко, Елена.
Л64 Кукла советника : [роман] / Елена Литвиненко. —
Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Руны
любви).

ISBN 978-5-17-092673-2

Таких, как я, называют шильдами. Флер – мой дар, и он же мое проклятие.

Дар позволяет мне влиять на чувства людей и животных, проклятие способно вызывать у мужчин неконтролируемую болезненную страсть. В надежде использовать силу, даруемую флером, меня, дочь безземельного рыцаря и служанки, ввели в древний род. Благодаря своему дару я получила учителей, Наставника и лучшего в мире брата. Но именно проклятие связало меня и Второго Советника князя, лорда Раду Виоре. Теперь ему мало марионетки по имени Лира, он хочет получить меня всю...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092673-2

© Е. Литвиненко, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ПРОЛОГ

Райаны. Проклятое княжество, прихвостни Темных, подлые захватчики — как только не называют их лизарийцы, запершись в своих домах и понизив голос почти до шепота. Маленькая горная страна, занимающая на карте территорию втрое меньше детской ладони, испокон веков наводила ужас на Лизарию и близлежащие острова Рассветного океана.

— А посреди этой забытой Светлыми земли стоит черный замок, где правит Проклятый Князь. Он огромен. Он уродлив. Его руки по локоть в крови детей, которых он пожирает десятками, а их костями он украшает свои одежды. И если ты не будешь слушаться, райаны заберут тебя! — так пугают шаловливых чад матери, а потом делают отвращающие знаки, чтобы не накликают беды.

Но беда приходит. Каждые десять–двенадцать лет истеричный набат будит спящие города и деревни, земля дрожит от топота закованных в сталь коней, а блики пожаров окрашивают в алый доспехи завоевателей.

— Райаны идут!

Огромной приливной волной они затапливают приграничные территории, порой захлестывая центр страны. Им не нужно золото и серебро — только фураж, зерно и люди. Хотя и от денег они не отказываются, если градоправитель пытается откупиться. Добычу свозят в замок князя, а уже оттуда тонкие ручейки награбленного растекаются по графствам. Мужчин отправляют в шахты и рудники, на постройку дорог и вырубку окраин Леса, женщины становятся служанками, кухарками и, если не повезет, солдатскими шлюхами.

ЕЛЕНА ЛИТВИНЕНКО

Моей матери повезло. Ее, зареванную и перепуганную, в подвенечном платье, залитом кровью жениха, сразу забрал себе один из рыцарей — отобрал у солдат, уже разложивших девчонку на праздничном столе. Он даже заботился о ней, поселив в своей комнате над казармами и оплатив магическое клеймо на ее плече, вместо того чтобы выжечь тавро, а когда она рожала — позвал не грязную повитуху, а гарнизонного лекаря.

Думаю, отец меня любил.

Впервые я увидела его на третьем году жизни — он вернулся из похода. Помню запах металла и кожи, а потом резкий взлет — когда огромный мужчина поднял меня за рубашонку.

— И кто это тут у нас?

А я, вместо того чтобы зареветь от испуга, уставилась на него сощуренными глазенками и, извернувшись, стукнула кулачком в нос. Он опешил, потом расхохотался, посадил меня на сгиб руки и унес вниз показывать солдатам.

Большой мир меня ошеломил. Помню острую резь в глазах от солнечных лучей и ветер, взметнувший волосы, лязгающие клинки и выкрики тренирующихся, маячивший перед носом шнурок амулета на загорелой шее с косым шрамом и горьковатую сладость марципана. Потом, уже совсем освоившись, я сидела на коленях у отца за нижним столом с другими безземельными рыцарями, колотила оловянной ложкой по столу и кокетливо хлопала длинными ресницами, благодаря за подаренные конфеты.

— Мама, мама! Смотри! — трясла я за плечо лежащую ничком на кровати женщину. — Хочешь? — протягивала обмусоленные леденцы.

— Нет. — Глухой голос, дрожащий от сдерживаемых рыданий.

— Но вкусно же! — искренне удивилась я ее отказу. — Ну ма-ам!

— Пошла прочь! — рявкнула мать, рывком поднимаясь с постели. Застонала, схватившись за живот, и снова

КУКЛА СОВЕТНИКА

опустилась на матрас, пряча в подушку лицо с припухшими губами. Воротник платья сдвинулся, открывая багровые, будто укусы упыря, следы.

Я пожалала плечами и ушла в свой угол, а ночью проснулась от скрипа кровати и глухих стонов. Высунулась из-за занавески и увидела мать, лежащую раненой птицей, отца с перекошенным лицом.

— Будь ты проклята... Чего тебе не хватает?

— Ненавижу тебя!

— Замолчи! Разбудишь...

— Ненавижу тебя и твое отродье!

— Побойся Светлых, она твоя дочь!

— Твоя!..

Я действительно очень походила на отца. Такой же миндалевидный разрез глаз, тот же острый подбородок, те же скулы и упрямо сжатые губы. От матери мне достались золотистые волосы одуванчиком, тонкая светлая кожа с голубым рисунком вен и хрупкая фигурка, из-за которой я выглядела гораздо младше своих лет.

Дни, когда отец уезжал, я стала проводить на плацу — сидела на перевернутой бочке под навесом и наблюдала за тренирующимися. Иногда брала прутик и подражала солдатам, веселя их своей неуклюжестью. Однажды я попробовала поднять деревянный меч с меня размером и разревелась от злости, когда поняла, что не могу выписывать им такие же изящные вензеля, как десятилетний Тон. Забросала его грязью за насмешки и убежала к конюшне.

Убежала, конечно, громко сказано — там нужно было быть очень осторожной, чтобы не попасться на глаза благородным и не быть растоптанной каким-нибудь жеребцом. Зато, если успешно спрятаться от мужчин в роскошных бархатных одеждах, от женщин в пышных платьях, их служанок, не стеснявшихся раздавать щипки и оплеухи, и помочь Слепому Жозе перебраться сено — упаси Светлые, гниль попадетя, запорют! — он подсаживал меня на старого смирного пони и разрешал прокатиться

ЕЛЕНА ЛИТВИНЕНКО

пару кругов по леваде. В обеденное, конечно, время, когда благородные сидели за высоким столом и ели не поддающиеся описанию блюда, аромат которых доносился из кухонь.

Во внутренний двор замка я не совалась, раз и навсегда усвоив, что мне там делать нечего. Очень уж громко верещал поротый мальчишка, поспоривший, что заглянет в комнату Куколки — так мы называли княжескую дочь. В комнату-то он заглянул, забравшись по винограднику, и застал девчонку, разгуливающую перед сном в одних панталонах, а потом пролежал всю осень на животе. Шрамы от колодок у него на руках так и не заросли.

Была ли мать против того, что я днями крутилась рядом с солдатами? Нет, конечно. Она меня даже не замечала. Похлебка была в горшке над очагом, раз в неделю меня скребли в тазу, будто желая содрать кожу, чистую одежду я брала из сундука — на этом забота и заканчивалась. Порой я ловила на себе ее ненавидящий пристальный взгляд, и мне становилось жутко.

А однажды я проснулась и увидела мать, стоящую надо мной с подушкой в руках.

— Уже пора вставать, мамочка?

— Спи.

Но уснуть в ту ночь я не смогла.

Отцу я ничего не рассказывала. Придумывала истории о том, как мы с мамой гуляли на ярмарке в его отсутствие, какой чудесный пирог она испекла, какую песню напела. Он улыбался, гладил меня по голове и требовал отчета за каждую царапину, каждый синяк на коленке.

Я была папиной дочкой, с радостным визгом повисавшей на стремях его коня, когда отряд отца возвращался, и ревавшей белугой каждый раз, когда он уезжал. Вцеплялась в его ногу и, загибая пальцы, переспрашивала, переменяя вопросы всхлипами:

— А кольчуга цела? А стеганку надел? Почему нет? Ну и что, что жарко! Надевай! А лекарственные порошки

КУКЛА СОВЕТНИКА

взял? И что, что лекарь есть? Я тебе зачем ромашку суши-ла-а-а?..

Окружающие рыцари и солдаты ухмылялись, лейтенант недовольно хмурился, поглядывая на солнечные часы, а отец улыбался, приглаживал вечно растрепанные косички, целовал в лоб и просил быть хорошей девочкой. Я кивала, а взамен требовала, чтобы он вернулся поскорее.

— Клянусь Светлыми, — кивал отец. — Ну, беги, котенок.

Я забиралась на сторожевую вышку и махала вдогонку до тех пор, пока отряд не скрывался в ущелье.

Размазывая слезы по грязной мордашке, шла домой — играть мне уже не хотелось. Прокрадывалась в нашу каморку, стараясь не потревожить мать, со злой усмешкой глядящую в окно, и тихо сидела за занавеской, делившей комнату напополам. Утром бежала в часовню. Денег на свечи у меня не было, и я, раскрасневшись от собственной смелости, предлагала службе принести цветов или подмести пол в обмен на огарки. Обычно он соглашался, и тогда я расставляла свечи вдоль всего ряда Светлых, прося, чтобы они присмотрели за отцом. И, на всякий случай, согревала Брыга — Темного божка, которого часто поминали солдаты и конюхи.

Светлые улыбались моему подношению, и даже кривая рожица Брыга вроде бы разглаживалась. Потом я вприпрыжку бежала на плац, забиралась на любимую бочку и дирижировала новобранцами, отработывавшими построения.

А однажды отец не вернулся.

Я прождала всю осень и начало зимы, проревела весь День Поворота, час за часом мерзла на сторожевой вышке, пока часовой силой не отдирал меня от покрывшихся наледью зубцов и не спускал вниз.

Наступила весна. Потом лето и снова осень. Потом нас выселили из каморки над казармой — серебро, оставленное отцом, закончилось. Чтобы хоть как-то прокор-

ЕЛЕНА ЛИТВИНЕНКО

миться, мать продала сначала украшения, когда и эти деньги вышли — одежду. И раньше ненавидевшая отца, сейчас она проклинала его, даже не таясь. Я ютилась на конюшне, где ночевала мать — не знаю.

Хорошо помню сосущий голод, недовольные всхрапы коней, у которых я воровала хлебные корки и морковь, и пронизывающий холод — за год я вытянулась, и тонкое платье едва закрывало колени, а кожаные туфли уже не налезали. Через несколько дней мать вытащила меня из вороха сена, в котором я пряталась, и пинками погнала в сторону внутреннего двора замка.

— Но нам же туда нельзя! — уперлась я босыми пятками в брусчатку.

От подзатыльника зазвенело в ушах.

— Ты думаешь, я на тебя пахать буду? Здоровая кобыла вымахала! Пора самой хлеб добывать! — процедила мать, и только сейчас я заметила у нее отсутствие двух передних зубов.

Нас взяли работать на кухню. Мать — судомойкой, меня — принеси-подай. Я отскребала песком тяжелые медные чаны от пригоревшей еды, носила хворост для очагов, мыла пол, ошипывала кур и чистила овощи. Утром мне давали кусок хлеба и редкий чиар, изредка кружку молока, на ужин я соскребала из разных мисок похлебку, в обед — как повезет. Чаще ничего.

Нас будили задолго до рассвета, и уже к вечерней заре я выбивалась из сил. Падала на грудь ветоши у очага и засыпала до следующего утра. Времени для прогулок на плац не оставалось, и солдаты, раньше дружески кивавшие, перестали меня узнавать, прогоняя с дороги. Мать со мной почти не разговаривала, ограничиваясь сухими приказами.

Так я и росла — голодной, грязной, забитой. Как затоптанный репейник, пробивающийся между брусчаткой внутреннего двора замка.

До того самого дня...

ГЛАВА 1

Куколка развлекалась.

Звонко хохоча и потряхивая смоляными кудряшками, она бросала с балкона свертки с сахарными леденцами, фруктами и мелкими монетами. Дворовая детвора подпрыгивала, пытаясь ухватить мешочек из серой холстины, дралась за каждую конфету, за каждый медяк.

Я завистливо вздохнула и поудобнее перехватила вязанку дров, размышляя, сунуться ли в толчею или подождать, вдруг какой подарок шлепнется неподалеку. Шмыгнула сопливым носом, переступила с ноги на ногу — камень холодный, но до деревянных мостков мешочек точно не долетит.

Конфет хотелось ужасно.

Да и мать наверняка надает мне плюх уже за то, что я задержалась, так пусть хоть не зря. Воровато оглянувшись, не видно ли меня с кухни, аккуратно поставила дрова у стены — так, чтобы было удобно сразу схватить их. Поймать мешочек, запихнуть его за пазуху, схватить дрова — и бежать, пока старшие не отняли драгоценные сладости.

Куколка легла животом на резные перила балкона, размахивая мешочком на длинном шнурке.

— Ну, кому еще? Тебе? — указала она на Тона. — Или тебе? — поддразнила незнакомого мне мальчишку. — А может, тебе? — подпрыгивал подарок над головой Сильфы.

— Мне! Да! Мне давайте, госпожа! — прыгали все. И я с ними, протягивая вверх худую руку. — Мне, госпожа!

ЕЛЕНА ЛИТВИНЕНКО

— Ну, не зна-а-аю, — капризно надула губки Куколка. — Отдавать ли его вообще. Последний, — подбросила она мешочек на ладони. — Может, себе оставить?..

В ответ раздался огорченный гул.

— А, ладно, — хихикнула девочка, поворачиваясь спиной. — Раз... Два... Три!

Сверток взвился вверх. Завис на мгновение в воздухе и, кувыркаясь, полетел вниз. Я толкнула одного, пнула другого, укусила Сильфу, прорываясь вперед. Кто-то заехал локтем мне в губу, а я, в отместку, боднула его головой.

Конфеты лежали почти у мостков, недалеко от дров. Повезло!

Упав на четвереньки, полезла между ногами, выбираясь из свалки. Ободрала руку о выщербленный камень. Не обращая внимания на выступившие бусинки крови, кошкой прыгнула вперед, вырываясь из чьих-то рук, вцепившихся в косу.

— Лови ее!

Я схватила конфеты, дрова и припустила к кухням. Растрепанная Сильфа бросилась наперерез, широко расставив руки. Я резко свернула, Сильфа не удержалась на мокрых камнях и шлепнулась в лужу.

На балконе хохотала Куколка.

— Ой, не могу! Ой, умора!

Показав Сильфе язык, я повернулась к остальным, пятясь спиной вперед. Оглянулась — до кухонь еще шагов двести. Если выиграть хотя бы десяток локтей... Эх, не полезь я в толпу — уже давно грызла бы леденцы под пристроном поваров.

— Отдай сюда! — многозначительно сжимая руки в кулаки, выступил вперед Джайр, высокий, с плечами вдвое шире моих. — Сама отдашь или кости тебе переломать, малявка?

Я сглотнула, поежившись. От такого не убежишь.

— Я отдам...

КУКЛА СОВЕТНИКА

— Во, слышали, — довольно заржал Джайр. — Она у нас умная, да? Одного раза хватило!

После того «раза» я до сих пор прихрамываю.

Остальные, как и тогда, когда я отказалась кланяться в ноги этому гаду, смотрели на нас с жадным любопытством — что дальше?

— Подавись! — крикнула я, швырнув в него деревяшкой из связки. Такая же серая, как и холстина, она отвлекла толпу мучителей, подарив мне несколько драгоценных секунд.

— Ах ты, дрянь! Убью! — зарычал Джайр, сообразив, что его обдурили. — Что стоите, идиоты?! Ловите ее!

Я тяжело дышала, из последних сил шлепая по подтаявшей грязи, вязанка становилась тяжелее с каждым шагом. Я уже всерьез подумывала о том, чтобы бросить и хворост, и конфеты — если бы не знала, что это бесполезно: меня снова пошлют за дровами, а Джайру нужны не леденцы, а кто-то, над кем он мог бы безнаказанно куражиться.

От спасительных кухонь меня отрезали. Выход только один — на конюшню. Светлые, пусть там будет Жозе! Он хоть почти и слеп, но зато кнут у него огромный...

— Помогите! — закричала я изо всех сил, подбегая к деннику. — Жо... — И задохнулась, налетев на кого-то.

Онемевшие руки разжались, дрова рассыпались, а я зажурилась, ожидая удара.

— У тебя что, глаза на затылке? — дернул меня за волосы мужчина, заставляя поднять голову. — На меня смотри!

Закусив губу, я уставилась в пронзительно-черные с синим отливом глаза. Потом взгляд скользнул по дорогому дублету, выглядывающему из-под подбитого мехом плаща, золотой цепи на груди, пятнам от влажных дров на серой замше брюк. Быть мне поротой.

— Простите, господин, — попыталась шлепнуться на колени, но мужчина удержал меня за плечо.

— Тебя как зовут, девочка? — чуть хриплым голосом спросил он.

ЕЛЕНА ЛИТВИНЕНКО

— Лира, — прошептала я.

— И куда же ты бежала, Лира?

— Хотела спрятаться...

— От них? — кивнул мужчина на толпу замерших в отдалении мальчишек.

— Да...

Мужчина приподнял мой подбородок, разглядывая лицо. Достал из рукава платок и начал оттирать грязную физиономию белоснежным шелком. Я зажмурилась, наслаждаясь ласковыми прикосновениями. Обернутый прохладно-гладкой тканью палец прошелся по губам, а потом щелкнул по носу.

Так делал отец...

Я улыбнулась, распахнув ресницы. А этот благородный совсем не страшный! И не злой. Мужчина ответил на улыбку, сверкнув зубами.

— Дрова для кухни? — деловито поинтересовался он.

Я кивнула.

— Пойдем, провожу.

Не веря своей удаче, я быстро собрала дрова в охапку, одной рукой прижимая их к себе, а другую доверчиво вложив в сильную ладонь.

Мужчина бросил грозный взгляд на мальчишек, топнул ногой.

— Кыш отсюда, шакалье!

Я смотрела на него, как на посланника Светлых. Высокий, со снежно-белыми волосами, собранными в хвост черной бархатной лентой, иссиня-черными глазами, короткой бородкой, обрамлявшей крупный рот, с сильными мышцами, перекатывающимися под рукавами, он поразил мое воображение.

— Так значит, ты работаешь на кухне, — задумчиво протянул мой спаситель.

— Да, господин.

— Нравится?

— Не очень...

КУКЛА СОВЕТНИКА

Мужчина рассмеялся.

— А ты хотела бы быть, как она? — кивнул он на Куколку, все еще играющую на балконе.

Я вздохнула, глядя на девочку. Красивые платья, игрушки... И она наверняка не знает, каково это, когда руки ломит от ледяной воды в ведре, а прошедший с блюдом слуга, как нарочно, наступает грязными башмаками прямо на свежевымытый пол. Конечно, я ей завидовала. Иногда, перед сном, представляла, как вернется отец, как снова заберет меня в теплую каморку над казармами и купит... Нет, не марципан. Большую булку свежего, еще горячего хлеба и кувшин парного молока.

— Любая хотела бы, — сказала я, заметив, что мужчина ждет ответа. — Только это невозможно.

— Ну почему же, — ответил мужчина, опускаясь передо мной на корточки. — В День Поворота нет ничего невозможного. Тем более что я немножечко маг.

Он сжал руку в кулак, а потом развернул ее ладонью вверх. Над пальцами, рассыпая сиреневую пыльцу с крыльев, порхала бабочка. Снова рука в кулаке, и не успела я разочарованно ойкнуть, как на мужской ладони заискрилась льдистая лилия. Волшебник подул на нее, а потом осторожно воткнул мне за ухо, пощекотав шею.

— Вот так, — улыбнулся мужчина. — Тебе идет.

— Спасибо, — прошептала я, боясь прикоснуться к цветку.

Мужчина поднялся, отряхнул полы плаща, снова наклонился, подставив щеку. Догадавшись, я ткнулась губами в гладковыбритую кожу.

Маг улыбнулся, порывшись в карманах, сунул мне серебряную монету.

— Еще увидимся, Ли-и-ра, — протянул он мое имя и зашагал обратно в сторону конюшен.

Глядя ему вслед, я запоздало присела в неуклюжем книксене.